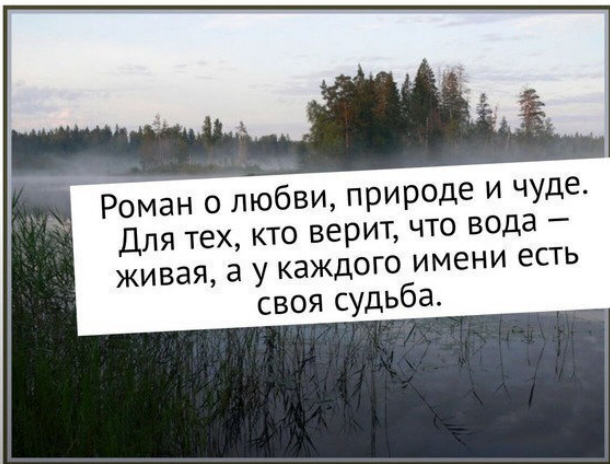

18+ Александр Сергеевич Попов

ТА, ЧТО СЛЫШИТ ГОЛОС ОЗЕРА

Роман о любви, природе и чуде.
Для тех, кто верит, что вода —
живая, а у каждого имени есть
своя судьба.

Александр Сергеевич Попов
Та, что слышит голос озера.
Роман о любви, природе
и чуде. Для тех, кто верит,
что вода – живая, а у каждого
имени есть своя судьба.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73517438
ISBN 9785006948808

Аннотация

В семь лет озеро заговорило с Олесей. Через пятнадцать оно привело к ней Ивана – городского психолога, приехавшего разоблачать «ведьм». Акшара помнит всё. Она хранит тайну, упавшую с неба. Но когда на её берега приходят с ненавистью, она перестаёт молчать. Роман о любви, природе и чуде. Для тех, кто верит, что вода – живая, а у каждого имени есть своя судьба.

Содержание

ПРОЛОГ	5
ГЛАВА 1	11
ГЛАВА 2	21
Конец ознакомительного фрагмента.	27

**Та, что слышит голос озера
Роман о любви, природе
и чуде. Для тех, кто
верит, что вода –
живая, а у каждого
имени есть своя судьба.**

**Александр
Сергеевич Попов**

© Александр Сергеевич Попов, 2026

ISBN 978-5-0069-4880-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПРОЛОГ

Иван попросил меня записать. Сказал: «Я психолог, мне нужно понять тебя с самого начала. Напиши, как ты это помнишь».

Я никогда ничего не записывала. Бабка говорила: «Держи в сердце, а не на бумаге. Бумага горит, вода течет, а сердце – оно с тобой до смерти». Но для него – напишу. Пусть знает.

Озеро заговорило со мной, когда мне было семь лет.

Я помню тот вечер так, будто это было вчера. Даже лучше, чем вчера – потому что вчерашнее тает, а эторосло на сердце, как раковина на камне. Бабка ушла в лес за кореньями – собирать девясил. А меня оставила одну на острове. Не из жестокости – просто знала: здесь мне ничего не грозит. Здесь я под защитой.

Я сидела на старых мостках, свесив босые ноги в воду. Вода была теплая, ласковая, как парное молоко, как руки бабки, когда она гладит меня по голове. Солнце садилось за дальний лес, и вода горела золотом – будто кто-то разлил по ней растопленный мед. Я болтала ногами, смотрела на круги по воде и напевала песенку, которой бабка научила – ту, что рыбу приманивает. Глупую, детскую, счастливую. И вдруг – тишина.

Не просто тишина. А такая, будто мир замер, затаил дыха-

ние и ждет. Кузнечики перестали стрекотать. Птицы замолкли. Даже ветер, который всё время шевелил камыши, шептался с ними о чем-то своем, – остановился.

Вода под моими ногами перестала дышать.

Я замерла. Сердце колотилось где-то в горле, маленькой испуганной птицей. Я хотела убежать, но ноги не слушались – приросли к мосткам, будто корни пустили. А потом – я услышала.

Голос. Без слов. Без звука. Он просто возник у меня в голове – как моя собственная мысль, но чужая. Огромная. Древняя. Холодная, как ключевая вода весной, и тёплая, как материнские руки, одновременно. Он был везде – в каждой клеточке тела, в каждом волоске на голове, в каждой капле крови. И ещё – в самой глубине этого голоса, там, где кончалось «я» и начиналось «оно», – гудело что-то первозданное, как будто сама земля настраивала струну.

«Смотри» – сказала озеро.

Я подняла голову и посмотрела на тот берег. И сразу поняла, куда смотреть – оно показало.

Там, у самого мыса, где начинается топляк – страшное место, туда даже рыбаки не заплывают, – качалась на воде лодка. В лодке стоял мужик. Чужой, не из наших. Пьяный, наверное, или просто злой – по глазам видно было, даже издали. Он размахивал веслом и бил им по воде. Я не сразу поняла, что там, в воде. А потом увидела – утка. Маленькая, подбитая, видно, крыло сломано, лететь не может. Она

пыталась уплыть, но кружила на месте, и он снова и снова опускал весло, целясь ей в голову.

Просто так. Для забавы. Чтобы убить – и забыть.

Озеро дрогнуло.

Я это почувствовала кожей – озноб прошёл по воде, хотя ветра не было. Холод пробежал от моих пяток до самой макушки. А в следующую секунду лодка перевернулась. Мгновенно. Будто её за борт кто-то ухватил и дёрнул. Кто-то большой и очень сильный.

Мужик ушёл под воду так быстро, что даже не вскрикнул.

Я закричала. Вскочила, побежала к бабкиной лодке, запуталась в траве, упала, разбила колено в кровь. Красное на зеленом – я запомнила это навсегда. Пока вставала – он вынырнул. Один раз. Далеко, метрах в тридцати от берега. Руки взметнулись, рот открылся в беззвучном крике – и снова вода сомкнулась над ним.

И всё.

Тишина.

Озеро стало гладким, как зеркало. И в этом зеркале отражался закат. Красиво. Спокойно. Будто ничего и не было.

Я сидела на траве, тряслась и смотрела, как на том берегу медленно оседает пустая лодка.

Бабка нашла меня под крыльцом. Я забилась в самую щель, между старыми досками и землёй, и не могла вылезти – ноги не держали, руки дрожали, зубы стучали. Она вытащила меня, прижала к себе, стала качать, как маленькую.

От неё пахло лесом, землёй, кореньями – самым надёжным запахом в мире. А я всё тряслась и не могла сказать ни слова.

Потом рассказала.

Бабка долго молчала. Гладила меня по голове, смотрела куда-то сквозь стену, в сторону воды. Я видела, как в её глазах отражается озеро – даже здесь, в избе, даже ночью. А потом она сказала то, что я запомнила на всю жизнь. Каждое слово. Каждую интонацию.

– Не бойся, маленькая. Озеро не злое. Оно – справедливое. В мире, дочка, люди по-разному живут. Одни строят, другие ломают. А есть те, кто просто проходит мимо – и даже не замечает, что под ногами живое. Озеро – оно для тех, кто замечает. Оно защищает тех, кто сам защититься не может. Зверя лесного, птицу подбитую, дитя малое. А тех, кто приходит с жестокостью... оно забирает к себе. Насовсем. Не потому, что злое. А потому, что по-другому они не понимают.

Она помолчала. Поправила платок на моей голове.

– Ты запомни, Олеся: мы здесь не хозяева. Мы просим озеро быть милостивым. Мы говорим ему: «Потерпи. Они не ведают, что творят». И оно слушает. Пока слушает нас. А когда перестанет слушать – тогда и наступит конец света. Не того, большого, а нашего, маленького. Но для нас – он и есть главный.

Я тогда не всё поняла. Но одно поняла точно: озеро – живое. Оно дышит. Оно видит. Оно помнит.

И я с ним связана. Навсегда.

С тех пор прошло пятнадцать лет.

Я ни разу не просила озеро о смерти. Ни разу. Даже когда было очень больно. Даже когда люди приходили с ненавистью. Даже когда мальчишки кидали камни и кричали «ведьма». Я просила только о защите. Только о том, чтобы оно потерпело.

И оно терпело.

Но в то утро, когда на берегу загудели моторы и ветер принёс запах горелого мазута, я поняла: терпение заканчивается. Озеро молчало. Но это было злое молчание. Такое же, как в тот вечер, когда утонул мужик с веслом. Такое же, как перед большой бедой – всегда так бывает, я знаю теперь.

Я вышла на крыльцо, смотрела на воду и чувствовала, как внутри нарастает холод. Не тот, что от ветра, а тот, что от предчувствия. Бабка говорила: «Когда внутри холодно – значит, озеро тебя предупреждает. Не прячься от этого холода, слушай его».

Я слушала.

А потом – на том берегу появился он.

Маленькая фигурка спускалась к воде, таща за собой резиновую лодку. Городской. Чужой. Нелепый в своей модной куртке и с рюкзаком. Он споткнулся, чуть не упал, поправил очки – смешно, по-городскому беспомощно.

Я хотела, чтобы он ушёл. Чтобы испугался, повернул об-

ратно, как все. Чтобы не лез в нашу жизнь, не тревожил озеро, не будил то, чему лучше спать.

Но озеро вдруг... дрогнуло. По воде пробежала рябь – хотя ветра по-прежнему не было. Тёплая волна лизнула берег у моих ног – и этот холод внутри вдруг отступил.

И я услышала шёпот. Тот самый, из детства:

«Этот – не враг».

Я не поверила. Не могла поверить. Слишком много врагов приходило – под разными лицами, с разными словами.

Но озеро никогда не ошибается.

Никогда.

ГЛАВА 1

Москва.

– Иван Тимофеевич, вы верите в чудеса?

Я поднял голову от блокнота и посмотрел на пациентку. Женщина лет сорока, дорогой костюм, идеальный маникюр, дорогие часы на запястье. Типичная жительница Рублевки, у которой есть всё, кроме счастья. Таких я видел десятками – они приходят, садятся в это кресло, рассказывают про мужей, любовников, детей, бизнес, а на самом деле – про пустоту. Про огромную, звенящую пустоту внутри.

– В чудеса? – переспросил я, делая пометку в карте. – Я клинический психолог, Елена Сергеевна. Чудесами занимаются другие инстанции.

– А если я скажу, что видела нечто, чего не может быть?

Я вздохнул. Третий месяц работы в элитной клинике успел научить меня одному: деньги не спасают от безумия. Скорее наоборот – они его культивируют, как в теплице.

– Рассказывайте.

Она заговорила. О муже, который ушел к молодой любовнице. О бессоннице, которая длилась полгода – она считала дни, часы, минуты. О том, как подруга посоветовала съездить «к бабке в глушь» – снять порчу. О том, как она поехала от отчаяния, уже ни на что не надеясь. О том, как заблудилась и вышла к огромному озеру, которого нет на кар-

тах. О двух женщинах на острове. О воде, которая заговорила с ней.

– Оно сказало: «Не бойся, ты не одна», – прошептала Елена Сергеевна. – И я впервые за полгода уснула. Там, на берегу. Просто уснула, как ребенок. Трава была мягкая, теплая, пахло мятой... А проснулась – и поняла, что жить можно.

Я слушал и записывал. Типичный случай: стресс, суггестия, красивая легенда. Бабка-знахарка, умело играющая на женских страхах. Гипноз, самовнушение, эффект плацебо. Никакой мистики.

Но почему-то я не мог выкинуть из головы ее голос, когда она говорила про озеро. Будто она не рассказывала, а вспоминала что-то настоящее, свое, сокровенное.

– Съездите туда, – вдруг сказала она. – Сами. Посмотрите.

– Зачем?

– Вы мне не верите. Я вижу. – Она посмотрела на меня так, будто видела насквозь. – Я хочу, чтобы вы объяснили мне это. Сказали, что это был сон. Или галлюцинация. Или... подтвердили, что я не сошла с ума. Мне нужно, чтобы кто-то умный, образованный, с дипломом – посмотрел и сказал: «Это правда». Или «это ложь». Мне все равно что. Мне нужна точка.

Она назвала сумму. Внушительную. Достаточную, чтобы закрыть кредит за машину и еще осталось на билеты.

– Елена Сергеевна, я беру деньги только за сеансы.

– А это будет сеанс. Исследовательский. Изучите это ме-

сто. Разоблачите этих бабок. Или... подтвердите. Я заплачу за правду. Какую угодно.

Я посмотрел в её глаза. В них не было безумия. Только страх. Настоящий, глубинный страх человека, который прикоснулся к чему-то, чего не может объяснить. И тоска – по той минуте на берегу, когда она уснула и не боялась.

Я согласился не из-за денег. А из-за того, что впервые за долгие годы практики столкнулся с тем, чего не мог объяснить. С симптомом без диагноза. И это было по моему профессиональному эго сильнее, чем измена жены.

– Хорошо. Дайте координаты.

Владимирская область, деревня Глубицы, два дня спустя. Автобус, на котором я ехал, сломался за двадцать километров до места. Водитель сказал философски, как человек, привыкший к тому, что мир ненадежен: «Так бывает. Дальше пешком». Я прошел пять километров, прежде чем меня подобрал местный на раздолбанном тракторе. Он вез сено, пахло коровой и потом, и на каждой кочке меня подбрасывало так, что я прикусывал язык до крови.

– В Глубицы? – переспросил он, когда я назвал деревню. – Это за озером. Далече. Подброшу до поворота, а там пешком.

За поворотом, между двумя холмами, открылась вода.

Я ожидал увидеть круглое лесное озерцо – уютное, замкнутое, как на картинке. Но то, что открылось моим гла-

зам, было иным.

Огромная, извилистая гладь уходила вдаль и терялась среди лесов. Озеро напоминало причудливый цветок с несколькими лепестками – каждый залив, каждая бухта добавляли свой оттенок к общей картине. Береговая линия петляла, пряталась за мысами, открывала новые дали. А там, далеко, почти у горизонта, темнели два острова, поросшие лесом. Будто зрачки огромного глаза, следящего за всем, что происходит на этих берегах.

Я остановился как вкопанный.

Впервые в жизни я понял, что значит выражение «дух захватило». Не от красоты даже – от масштаба. От ощущения, что передо мной не просто вода, а что-то живое, древнее, существовавшее задолго до людей.

Я подошел к самой кромке. Вода была на удивление прозрачной – даже у берега просматривалось дно, уходящее вниз крутым обрывом.

– Семьдесят метров есть местами, – раздалось сзади.

Я обернулся. Тракторист заглушил мотор и стоял, задумчиво глядя на воду.

– Самое глубокое в области, – добавил он. – Это наша Кщора.

– Кщора?

– Местные так зовут. А по-старинному, говорят, Акшара называлось. – Он сплюнул через плечо – привычно, даже не задумываясь. – Только ты туда не ходи. На острова эти.

Место гиблое.

– Почему?

Одернул ватник, полез обратно в трактор.

– Потому что там ведьмы живут, – бросил он уже на ходу. – На острове. Старуха и внучка. Кто к ним ходит – пропадает.

Трактор взревел, подпрыгнул на кочке и уполз в лес, оставив меня одного на берегу Акшары.

Деревня Глубицы встретила меня запахом тины, навоза и тоски – той особенной русской тоски, которая гуще меда и горше полыни. Пара покосившихся изб, магазин с вывеской «Продукты» (половина букв отсутствовала, остальные держались на честном слове), три пьяных мужика у забора и стая гусей, перегородивших дорогу с видом полноправных хозяев.

Я нашел дом, который снимал через сайт объявлений. Хозяин – сухой старик с хитрыми глазами, в которых пряталась вековая мудрость, – встретил меня без особого энтузиазма.

– Городской? Надолго?

– На месяц.

– Чего забыл?

– Отдыхаю, – соврал я. – Тишина, природа.

Старик хмыкнул. Покосился на мою куртку, на дорогие ботинки, на рюкзак с ноутбуком – и в его взгляде я прочитал приговор: «дурак».

– Тишина у нас есть. А природа... ты к озеру не ходи.

– Почему все мне это говорят?

– Потому что там ведьмы живут. – Он сказал это просто, как про погоду, как про то, что зима будет холодной. – На острове. Старуха и внучка. Молодая, красивая. Но порченная. Кто к ним ходит – пропадает.

– В каком смысле пропадает?

– В прямом. – Он почесал бороду – жест, который, видимо, заменял ему размышление. – Лодки тонут. Рыба дохнет. А прошлой осенью мужик один, из областных, полез туда с проверкой – и сгинул. Нашли только сапоги. Пустые. А в них вода. Озерная. Стояли на берегу, как памятники.

Я улыбнулся:

– Легенды.

– Легенды не легенды, а ты всё равно не ходи. – Он протянул мне ключ – тяжелый, старый, с бородкой. – Живи тут. Воды в колодце набери. А на озеро не плавай. На Кщору эту... на Акшару...

Он запнулся на втором имени, будто боялся его выговорить.

Он ушел. Я занес вещи в избу – чисто, бедно, пахнет деревом и сухой мятой, и еще чем-то забытым, давним, отчего щемит сердце. Сел на крыльцо, достал сигарету.

Озеро было видно даже отсюда – огромная синева за крышами домов, уходящая за горизонт. Оно лежало там, в низине, и, казалось, дышало. Медленно, глубоко, как спящий

зверь.

«Ведьмы», – усмехнулся я про себя. И подумал: а почему, собственно, я усмехаюсь? Потому что так положено образованному человеку? Потому что боюсь признать, что мир больше моих представлений о нем?

Через час я нашел местного, который согласился дать мне лодку напрокат. Его звали Ярмола. Он был лесником, молчаливым и угрюмым, с глазами человека, который видел слишком много и говорить об этом не хочет, потому что слова все равно не передадут.

– Зачем тебе на остров? – спросил он, когда я протянул деньги.

– Исследую местный фольклор. Пишу статью.

Он долго смотрел на меня. Изучал, как изучают незнакомый предмет – с опаской и любопытством. Потом взял деньги, сунул в карман ватника и сказал:

– Лодка у причала. Мотор там же, в баке бензин есть. Весла на всякий случай возьми. Но я тебя не знаю. И лодки не давал. Понял?

– Понял.

Он уже уходил, но на полпути обернулся.

– Эй. Если они тебя позовут – не ходи.

– Кто позовет?

– Ведьмы. Они не кричат. Они в голове звенят. Как комары, только тихо. Услышишь – гребь обратно. Не оборачивайся. И не думай о них. Они это чувствуют.

И ушел, не дожидаясь ответа. Скрылся в сумерках, будто его и не было.

Я отвязал лодку, когда солнце уже клонилось к закату. Мотор завелся с пол-оборота – Ярмола не врал, бензин был. Но я заглушил его сразу. Не хотел пугать тишину шумом. Взялся за весла.

Они мерно скрипели в уключинах – звук, который слышали здесь сотни лет, тысячи людей. Вода под килем была черной, густой, как нефть, но стоило опустить руку – обжигала холодом, чистым, ключевым, первозданным. Я греб и смотрел на острова, которые приближались медленно, будто нехотя, будто давая мне время передумать.

Тишина стояла звенящая – ни птичьего гомона, ни ветра, ни далекого собачьего бреха. Только плеск весел да мое сбивчивое дыхание. И вдруг – звон.

Тонкий, пронзительный, рождающийся где-то на грани слуха, на грани мира. Как будто кто-то провел мокрым пальцем по хрустальному бокалу – только этот звук шел не извне, а изнутри, из самой глубины моего существа.

Я замер, поднял весла. Прислушался.

Тишина.

«Показалось, – решил я. – Нервы. Дорога. Странное место». И снова взялся за весла.

Остров приближался. Из воды вырастали старые сосны, корявые, изогнутые ветрами, похожие на стариков, застыв-

ших в молитве. Между ними угадывался дом – темный сруб с покосившимся крыльцом, с окнами, которые в сумерках казались закрытыми глазами.

Я причалил. Вытащил лодку на песок – он был мелкий, холодный, с вкраплениями слюды, которая блестела в последних лучах солнца. Поднялся по тропинке.

И увидел её.

Она стояла на крыльце – босиком, в простой льняной рубахе, с распущенными черными волосами, в которых запутался закат. Смотрела прямо на меня. Не мигая. Будто знала, что я приду, будто ждала.

В руках держала глиняную миску, из которой торчали зеленые перья лука – такие живые, такие обычные, что от этого контраста сжималось сердце.

Я хотел поздороваться. Представиться. Объяснить, зачем приплыл. Произнести ту речь, которую готовил всю дорогу – про науку, про исследование, про пациентку.

Но она опередила меня. Голос у нее оказался низким, чуть хрипловатым – и совершенно спокойным, как вода в безветренный день:

– Зачем пришел, городской?

Я открыл рот. И вдруг понял, что все заготовленные фразы вылетели из головы. Осталась только пустота – и она.

– Я... психолог. Изучаю народные верования. Мне рассказывали про это место. Хочу понять...

– Понять? – она усмехнулась. Усмешка вышла незлой,

скорее усталой, будто она сотни раз слышала эти слова и знала им цену. – Ты вон сам себя понять не можешь. Руки трясутся. В глазах тоска. Жена ушла? Или работа замучила?

Я опешил.

– Откуда...

– Слышу. – Она поставила миску на перила крыльца. – Ты как колокол, гудишь на всю округу. Устал, боишься, никому не веришь. И приехал доказывать, что мы – шарлатанки. Правильно?

Я промолчал. Потому что она сказала правду. Всю правду – и про жену, и про работу, и про неверие. Будто прочитала мою жизнь по глазам.

– Заходи, – вдруг кивнула она в сторону двери. – Бабка чай заварила. Мята, зверобой, пара кореньев. Не бойся, не отравим.

И она улыбнулась. Впервые.

И от этой улыбки у меня почему-то сжалось сердце. Не от страха – от чего-то другого, забытого, давнего. От предчувствия, что здесь, на этом острове, у этого древнего озера, с этой девушкой, моя жизнь перестанет быть моей.

ГЛАВА 2

Внутри изба оказалась больше, чем выглядела снаружи. Так иногда бывает с людьми – смотришь и видишь одно, а заглянешь внутрь, а там целый мир.

Одна комната, чисто выбеленная, с огромной печью в углу – она занимала треть пространства, дышала теплом, как живое существо. Вдоль стен – лавки, покрытые домоткаными половиками, вытертыми до блеска сотнями ног. На полках – пучки сухих трав, глиняные горшки, деревянные ступки, какие-то корешки, пузырьки. Пахло мятой, медом и еще чем-то горьковатым, незнакомым – то ли полынью, то ли зверобоем, то ли временем, которое здесь текло иначе, не спеша, по-своему.

У окна, за столом, покрытым вышитой скатертью – вышивка была старая, еще прошлого века, с петухами и какими-то диковинными цветами, – сидела старуха.

Я никогда не видел таких старых людей. Ей могло быть и семьдесят, и девяносто, и все сто – лицо изрезано морщинами, как старая карта, по которой можно изучать историю. Но взгляд... взгляд был молодой. Острый, цепкий – она смотрела на меня без страха и без приветов, изучая, как зверь изучает незваного гостя, прикидывая: свой? чужой? опасен?

– Садись, – сказала старуха. Голос скрипучий, но властный – таким голосом говорят те, кто привык, чтобы их слу-

шали. – Олеся, налей ему.

Олеся – вот как её зовут – поставила передо мной кружку. Глиняную, грубой работы, но расписанную каким-то диковинным узором – волны, рыбы, солнце. Внутри плескался темно-зеленый настой, от которого поднимался пар с мятным, чуть дурманящим запахом. Запах этот проникал в ноздри, в легкие, в самую глубину – и там что-то отпускал, расслаблял, успокаивал.

– Пей, – кивнула старуха. – Не бойся. Это чтобы мысли успокоить. Мысли у тебя, как муравьи в разоренном муравейнике – суетятся, мечутся, покоя не дают. А чай их утихомирит.

Я сделал глоток. Горьковато, терпко, с мятным послевкусием. По телу разлилось тепло – сначала в груди, потом в пальцах, потом где-то в затылке, расслабляя застарелый спазм, который я носил в себе столько лет, что уже привык считать его частью себя.

– Спасибо, – сказал я. – Меня зовут Иван Тимофеевич. Я...

– Знаем мы, кто ты, – перебила старуха. – Психолог. Из Москвы. Про ведьм приехал узнавать. Правильно Олеся сказала?

Я покосился на девушку. Она стояла у печи, сложив руки на груди, и смотрела на меня с тем же спокойным интересом. В свете печного огня ее глаза казались почти черными – бездонными, как омут, как само озеро в безлунную ночь.

– Откуда вы... Откуда вы знаете?

– А ты на улице один стоял, думал громко, – усмехнулась старуха. – Думал: «Шарлатанки, обманывают людей, надо разоблачить». Мы ж не глухие. Мы слышим. Не слова – музыку души. У каждого человека своя музыка. У тебя, Ваня, – грустная. Очень грустная. Как похоронный марш, только замедленный.

– Слышите мысли? – я постарался, чтобы голос звучал ровно. Скептически. Но получилось жалко.

– Мысли не мысли. А вот боль – да. – Старуха подалась вперед, и я вдруг почувствовал себя неуютно под этим взглядом. Будто она залезла мне под кожу и читает там, как в открытой книге. – Ты вон как кричишь внутри. Аж стены дрожат. Тоска по бабе, что ушла. Злость на директора этого, что не ценит. Страх, что ничего не получится. И пустота внутри – звонкая, как колодец сухой. Туда упадешь – и не долетишь до дна, потому что дна нет.

У меня пересохло в горле. Я сделал еще глоток чая, чтобы скрыть растерянность. Руки дрожали – я заметил это, и она заметила.

– Это... это просто наблюдение. Вы опытный человек, видите людей...

– Вижу, – согласилась старуха. – И ты меня видишь. Только верить не хочешь. Ну и не верь. Дело твое. Зачем пришел-то?

Я выдохнул. Собрался. Вспомнил, кто я и зачем здесь.

– У меня была пациентка. Женщина, Елена Сергеевна. Она приезжала сюда прошлым летом. Говорит, что озеро с ней говорило. Я хочу понять, что здесь произошло. Это гипноз? Самовнушение? Какие-то психотехники?

Старуха переглянулась с Олесей. Та чуть заметно кивнула – будто подтверждала что-то, известное им двоим.

– Еленка, – сказала старуха задумчиво. – Помню. Хорошая баба, только запуганная. Муж ушел, денег много, а счастья нет. Деньги, Ваня, – это как вода в решете: вроде есть, а напиться нельзя. Она сюда случайно попала – заблудилась. Шла, плакала, не разбирая дороги. А озеро её пожалело.

– Пожалело? – я не сдержал ироничной нотки. Вышло фальшиво даже для меня.

– Пожалело, – твердо повторила старуха. – Оно живое, озеро. Чувствует. Ты думаешь, только люди чувствовать умеют? А дерево? А камень? А вода? Они всё видят. Просто молчат. До поры.

Она помолчала, поправила платок.

– Она тогда на том берегу сидела, редела в голос, навзрыд, как ревет только те, кому совсем нечего терять. А озеро слышало. Волной её накрыло – теплой, ласковой, как мать накрывает дитя одеялом. И шепнуло: «Не бойся, не одна ты». Она и успокоилась. Уснула. А проснулась – здоровая. Потому что поняла: есть в мире что-то большее, чем ее беда.

Я молчал. Внутри боролись два чувства: привычный скептицизм, выпестованный годами учебы и практики, и липкое,

тревожное ощущение, что здесь всё иначе. Не так, как в моем кабинете с кушеткой и дипломом на стене. Не так, как в учебниках по психотерапии.

– А вы? – спросил я. – Вы слышите озеро?

– Слышим, – просто ответила Олеся.

Я повернулся к ней. Она смотрела на меня в упор, не отводя взгляда. И в этом взгляде было что-то такое, отчего хотелось одновременно спрятаться и шагнуть навстречу.

– И что оно говорит?

– Разное. – Она подошла к столу, села напротив. Теперь я мог рассмотреть ее лицо близко – тонкие черты, высокие скулы, кожу, тронутую загаром и ветром. – Когда спокойно – молчит. Когда больно – стонет. Когда злится – гудит. А когда предупреждает – звенит.

– Звенит? – я вспомнил тот звук в лодке.

– Ты слышал, – не спросила, утвердила она. – Когда плыл.

Оно тебя проверяло.

– Проверяло?

– На страх. На злость. На жадность. – Она говорила так спокойно, будто объясняла, как заваривать чай, как вязать снопы, как отличать съедобное от ядовитого. – Ты не испугался. Не разозлился. Не повернул назад. Оно и пропустило.

Я хотел возразить, сказать, что это просто акустический эффект, что низкочастотные колебания над водой, что наука давно все объяснила... но под её взглядом слова застревают в горле. Комом. Забором. Стеной, которую я сам построил,

а она смотрела сквозь нее, будто ее и нет.

– Вы в это сами верите? – спросил я тихо.

Старуха вдруг рассмеялась. Скрипуче, но без злости – скорее с усталой нежностью к моей глупости.

– Ой, Ваня, Ваня... – покачала она головой. – Ты ж не первый такой. Приезжают каждое лето. Кто лечиться, кто любопытствовать, кто разоблачать. А озеро само решает – кого пустить, а кого – нет. Иных на берегу разворачивает – лодка не плывет, мотор глохнет, весла из рук выпадают. А ты доплыл. Значит, нужно.

Я молчал, переваривая сказанное.

– Иван, – вдруг спросила Олеся, и в голосе её не было прежней усмешки. Только тишина и вода. – А ты сам-то знаешь, что тебе *на самом деле* надо?

Вопрос застал врасплох. Я открыл рот, чтобы выдать что-то привычное – про исследование, про науку, про пациентку из Москвы. И вдруг понял: ни одно из этих слов не будет правдой.

– Не знаю, – сказал я честно.

Она кивнула, будто именно этого ответа и ждала.

– Хорошо. Когда знаешь – искать нечего. А когда не знаешь – можно найти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.